

— Тогда я прямо спрошу императора.

— Хорошо, буду ждать, как ты умрешь.

Прошло еще два часа, прежде чем император наконец вернулся, волосы были влажными и еще не до конца высохли. Цзю-эр следовал за ним, и по его походке было видно, что недавняя милость была для него нелегкой.

— Что? Этот человек что-то вспомнил? — Как только Жун Цзюэ приблизился, он увидел Лин Чэ, который вместе с встреченным нищим ожидал его у входа в зал.

— Он говорит, что вспомнил, и хочет предстать перед вашим величеством, — Лин Чэ поклонился, а Фан Ляочжи также опустился на колени.

— Хорошо, войдите и доложите, — Жун Цзюэ открыл дверь зала, а евнух поспешил накинуть на его голову сухое полотенце.

Жун Цзюэ, вытирая волосы, сел, а Цзю-эр взял чайник, поданный евнухом, и налил ему горячий чай перед столом.

Фан Ляочжи, стоя на коленях перед столом, вдруг неожиданно произнес:

— Ваше величество, ваш облик поистине небесный.

— Что за лесть, говори дело, — Лин Чэ пнул его ногой, явно раздраженный.

Жун Цзюэ посмотрел на Фан Ляочжи:

— Кто ты? Вспомнил?

— Подданный ничего не вспомнил.

— Ты... — Лин Чэ, разозлившись, уже хотел ударить его, а Жун Цзюэ тоже готов был разгневаться.

— Но я нашел это, — Фан Ляочжи вытащил изорванный лист бумаги, на котором было написано три иероглифа: «Фан Ляочжи».

— Еще хочу поблагодарить брата Цзю-эра, который служит при вашем величестве. Он вернул мне мою изорванную одежду. Внутри был этот листок, и я подумал, что это, вероятно, мое имя.

— Фан Ляочжи... — Жун Цзюэ несколько раз пробормотал это имя.

— Ваше величество, не убить ли его? — Лин Чэ, не обращая внимания на присутствие Фан Ляочжи, прямо спросил о решении императора.

— Господин, чем я вам насолил? Я был на грани смерти от голода и просто подобрал булочку, а вы ударили меня три раза кнутом. Теперь, когда я всего лишь узнал свое имя, вы хотите убить меня?

Лин Чэ проигнорировал его, ожидая приказа Жун Цзюэ.

Жун Цзюэ, макая палец в чай, раз за разом выводил на столе три иероглифа: «Фан Ляочжи».

Это не вызвало в его душе никаких волнений.

— Отпустите его. Сегодня я не хочу никого убивать.

— Ваше величество, я не уйду, — громко заявил Фан Ляочжи.

Сердце Жун Цзюэ будто сжалось от удара.

«Ци Нин, я не уйду». В тот день, когда тот человек раскрыл ему правду и велел уйти, его первой реакцией было: нет, я не уйду.

— Какое ты имеешь право не уходить? Ты всего лишь нищий. Император, проявив милосердие, спас тебя, а ты еще хочешь остаться во дворце? — Лин Чэ уже занес ногу, чтобы пнуть Фан Ляочжи.

— Ваше величество, за эти дни я вспомнил, что хорошо пишу. Вы можете оставить меня для написания документов. Если это невозможно, оставьте меня в качестве охранника. Я, конечно, не умею сражаться, но, когда сыт, у меня есть силы, и я быстро учусь, могу научиться на месте. Если и это не подходит, оставьте меня в качестве наложника. Я могу вынести все, что угодно, — Фан Ляочжи говорил все более неподобающие вещи, и к концу его речи лицо Лин Чэ становилось все более мрачным, а Цзю-эр, услышав о наложнике, нахмурился.

Жун Цзюэ же молчал.

«Ци Нин, пойдём, хорошо? Я хорошо пишу, могу писать письма за других, если не получится, могу стать учителем, а если и это не выйдет, могу выступать на улице. В любом случае смогу выжить». Он помнил, как умолял, полностью потеряв достоинство, а тот человек просто молчал.

Лин Чэ и Цзю-эр, глядя на лицо императора, которое вдруг стало переменчивым и крайне недовольным, плотно сомкнули губы, не решаясь заговорить.

Тяжелое пресс-папье в форме цилиндра упало, и на лбу Фан Ляочжи образовалась небольшая рана, из которой тут же хлынула кровь.

— Ваше величество, успокойтесь, — Лин Чэ опустил на колени. Он знал, что гнев хозяина мог привести к крайне серьезным последствиям. Смерть Фан Ляочжи была неизбежна, но это могло затронуть и других. За последние два месяца, став императором, хозяин часто был переменчив. Сейчас, когда его настроение немного улучшилось, появился этот надоедливый нищий, что вызывало крайнее раздражение.

Однако ожидаемого взрыва гнева так и не последовало. После того как кровь Фан Ляочжи растеклась по полу, Жун Цзюэ неожиданно согласился оставить его.

Фан Ляочжи, обрадованный до предела, поспешно поклонился в знак благодарности, не обращая внимания на кровь, которая продолжала течь.

Лин Чэ был крайне удивлен, подняв взгляд на Жун Цзюэ, и смутно почувствовал, что в глазах хозяина, которые долгое время были тусклыми и безжизненными, появился проблеск света. Этот проблеск вызвал в нем смесь радости и тревоги.

— Ты испачкал мое место, быстро убирайся, — сказал Жун Цзюэ, и Фан Ляочжи, используя рукав, начал вытирать кровь с пола, поспешно говоря:

— Да, да, я сейчас уйду.

Цзю-эр жестом показал Фан Ляочжи, чтобы тот назвал себя рабом. Фан Ляочжи сразу понял:

— Раб сейчас уйдет.

— Ваше величество, он неизвестного происхождения, говорит всякие глупости, действительно ли стоит его оставлять? — Лин Чэ, видя, что лицо хозяина по-прежнему мрачное, осторожно спросил.

— Лин Чэ, иногда я думаю, что значит быть императором? Каждый день безвкусен, — эти слова Жун Цзюэ, не имеющие отношения к делу, оставили Лин Чэ без ответа. Страдания Жун Цзюэ он знал слишком хорошо.

Жун Мянью и Жун Цзюэ были сыновьями Драгоценной супруги Хуэй, самой любимой наложницы покойного императора. У императрицы не было сыновей, и оба с детства считались самыми вероятными претендентами на трон. Жун Мянью был очень талантлив, с ранних лет проявлял зрелость и был крайне амбициозен, во всем стараясь превзойти Жун Цзюэ. Жун Цзюэ же всегда называл его «старший брат» и очень им восхищался.

Однако император и наложница не сговариваясь благоволили младшему сыну. Оба брата унаследовали красоту матери, но Жун Цзюэ с рождения обладал аристократической внешностью, был простодушен, а родинка между бровей не портила его лицо, а, наоборот, добавляла его и без того великолепной внешности немного одухотворенности.

С детства братья были очень близки, но с возрастом, когда Жун Цзюэ исполнилось пятнадцать лет, император стал слабеть, и вокруг братьев начали собираться разные люди. Они начали понимать, что родные братья неизбежно станут врагами, ведь трон был только один.

Его старший брат слишком хорошо его знал. Ци Нин, который подходил ему по характеру, каждым своим движением и улыбкой вызывал его симпатию, и он влюбился с первого взгляда, потеряв голову. При дворе ходили слухи о его гомосексуальности, и отец, заботясь о его репутации, запретил ему общаться с этим человеком, но он ослушался указа. Разгневанный отец хотел казнить Ци Нина, и он, стоя перед тронном, умолял, готовый отдать жизнь, пока не упал в обморок. В итоге он спас Ци Нина, но потерял благосклонность отца. Трон, который был почти у него в руках, он чуть не передал Жун Мянью. Но ему было все равно, он мечтал о том, как получит удел и проведет всю жизнь с любимым.

Когда ситуация уже казалась решенной, Ци Нин признался ему, что был подослан к нему четыре года назад как пешка, чтобы он потерял благосклонность императора, и с самого начала был человеком Жун Мянью. Как бы он ни уступал, как бы ни умолял, тот оставался непреклонен. Он упал в ад, потеряв всю волю.

Его верные подчиненные, которые следовали за ним много лет, умоляли его, готовые отдать жизни, но именно слова Лин Чэ заставили его одуматься:

— Хозяин, только став императором, вы сможете получить того, кого хотите.

Всего полгода, но Жун Цзюэ, благодаря многолетней любви отца, имел прочную основу. Он был готов приложить усилия, порвал с прошлым и, даже притворяясь, показал отцу, что полностью изменился. За двадцать лет только эти полгода у него появилось желание соперничать с Жун Мянью. Раньше он не обращал внимания на то, что Жун Мянью во всем его превосходил, но за эти полгода он усердно учился, и в управлении государством, и в верховой

езде и стрельбе, добившись больших успехов, что сильно удивило его отца.

Покойный император все же передал трон ему, и Жун Мянью, вероятно, был крайне разочарован, предпочитая смерть поражению. Когда он, взойдя на трон, потребовал у Жун Мянью человека, тот уже был убит его же мечом. Жун Мянью покончил с собой, и вдовствующая императрица, узнав об этом, была в отчаянии. Желая отомстить родителям за несправедливость, этот с детства амбициозный принц предпочел смерть.

Вспоминая прошлое хозяина, Лин Чэ невольно вздрогнул. Жун Мянью мог бы получить трон без единого сражения. Если бы не последнее решение Ци Нина, хозяин, вероятно, все еще пребывал бы в мечтах о жизни в уединении. Такая глубокая любовь, проявленная принцем, была настоящим кошмаром.

В ту ночь, когда Фан Ляочжи остался, Жун Цзюэ видел кошмары. Несколько раз просыпаясь, он машинально протягивал руку к стороне, но, нащупав пустую постель, снова убирал ее.

Слова Фан Ляочжи повторялись в его голове, не давая уснуть.

Кто ты на самом деле?

Два месяца назад Ци Нин умер рядом с Жун Мянью. Эти воспоминания были настолько ужасны, что Жун Цзюэ не мог вспомнить деталей.

Как он умер? Кто был тогда рядом? Как он держал его тело? Как плакал? А потом как гневался, приказав выбросить его тело в глушь? Жун Цзюэ, схватившись за голову, пытался вспомнить, но чем больше думал, тем сильнее раскалывалась голова.

Внешность, голос — ничего общего...

Он, должно быть, сошел с ума.

<http://bllate.org/book/16817/1564599>